

УДК 321:94(450)

**СТОЛЕТИЕ ПОЛИТИКИ ФЛОРЕНЦИИ (1409-1511):
ИЗ ПИЗЫ ТУДА И ОБРАТНО**

Павлов К.В.

Статья посвящена рассмотрению происхождения, значения и развития так называемого «пизанского вопроса» в политике Флоренции XV – начала XVI столетий. Автор анализирует причины цикличности конфликтов в ходе спора Флоренции за обладание Пизой. Также исследованы механизмы разрешения и последствий урегулирования «пизанского вопроса» флорентинцами. В приложении представлен оригинальный авторский перевод с итальянского на русский язык служебных инструкций и писем Франческо Веттори, написанных им в ходе исполнения миссии на Пизанском соборе, сопровождаемый примечаниями.

Ключевые слова: Флоренция, Пиза, папство, Веттори, Макиавелли, Пизанский собор, Итальянские войны.

**THE CENTURY OF THE FLORENTINE POLITICS (1409-1511):
FROM PISA THERE AND BACK**

Pavlov K.V.

The paper examines the origins, significance and development of the so-called “Pisan issue” in Florence politics of the 15th and early 16th centuries. The author analyses the reasons for the cyclical nature of conflicts during Florence’s dispute over possession of Pisa. The paper studies the mechanisms for resolving and the consequences of settling the “Pisan issue” by the Florentines. The appendix contains the original author’s translation of the official instructions and letters by Francesco Vettori from Italian into Russian, which were issued during the execution of his mission at the Pisa Council, accompanied by notes.

Keywords: Florence, Pisa, papacy, Vettori, Machiavelli, Council of Pisa, Italian Wars.

В период 1494-1509 гг. в ходе Итальянских войн 1494-1559 гг. – одного из ключевых военно-дипломатических конфликтов в Европе раннего Нового времени, выраженного военными кампаниями Франции, Испании и Империи Габсбургов против друг друга и ряда итальянских городов-государств за зоны влияния на Апеннинах – на территории Центральной Италии происходило вооруженное противостояние Флоренции и Пизы.

Данный конфликт среди множества других противоречий в Итальянских войнах выделяется тем, что его природа не была связана непосредственно с началом самих войн, разрушивших политическое положение дел на Апеннинах, характеризующее итальянским историком Дж. Галассо как историческая эпоха существования «Италии баланса» (*Italia della bilancia*) [11, р. 401].

Разделяя точку зрения Галассо, отметим, что конструкция баланса в отношениях пяти ключевых по финансам, размеру и влиянию итальянских городов-государств, так называемой Итальянской лиги (*Lega Italica*), поддерживавшегося, в том числе, при существенном участии Флоренции под патронажем правителей дома Медичи, не предполагала прямого влияния на «пизанский вопрос» тосканской политики [4, с. 301-305]. Пиза была подчинена флорентинцами несколько ранее складывания этого общеитальянского баланса, в первой трети XV в., когда Тосканская республика самостоятельно и активно выстраивала политический проект доминирования в Центральной Италии [4, с. 301-303]. Отношение Флоренции к Пизе, стратегическому морскому порту Лигурии, полностью занятому тосканской республикой в 1409 г., изначально формулировалось как парадоксальное сочетание исторической перспективы и ретроспективы: «На самом деле, Пиза имела в виду флорентинцами как город великого прошлого и по-прежнему считалась обладающей большим потенциалом, даже при условии, что она оказывалась флорентийской как бы «в пути»» [11, р. 413]. Важно отметить, что усилению внимания к новому владению Флоренции тогда поспособствовало проведение в Пизе церковного собора в 1409 г., на котором предполагалось обсуждение так называемыми

«консилиаристами» – кардиналами-сторонниками ограничения власти понтифика – широкого проекта реформы Католической церкви [12, s. 61-65].

Впоследствии Пизанский собор, результаты деятельности которого оспаривались «консилиаристами» и папством несколько десятилетий, переносился последовательно в Констанц и Базель [12, s. 61-65]. По мнению немецкого историка Д. Гиргензона, представление о Пизе как «обновлении меры влияния Флорентийской республики» благодаря собору 1409 г. приобрело международный характер [12, s. 67-72]. Гиргензон указывает, что на Пизанский собор во владения Флоренции прибывали делегаты со всех концов Европы: Гданьска, Лондона, Парижа, Рима, Генуи, Барселоны [12, s. 67]. В то же время, флорентинцы, в представлении Дж. Галассо, изначально предполагали некоторый конфликтный потенциал во владении Пизой и поэтому заполучили и развили альтернативный канал экономического влияния в акватории Лигурийского моря – Ливорно: «В 1421 году Ливорно было приобретено губернатором Генуи, тогда находившимся под владычеством короля Франции, который направил его флорентинцам, сделавшим его портом в современном состоянии: Ливорно служил им выходом на море для их безопасности и их торговли как альтернативу побежденной Пизе» [11, р. 413]. Почему флорентинцы изначально опасались пизанского приобретения как потенциального «троянского коня» для своего политического проекта на Апеннинах?

Природа конфликтного потенциала «пизанского вопроса» в политике Флоренции проистекала из глубинных и архаичных оснований. Как указывал американский медиевист Д. Херлихи, в XII-XIII вв., в период политического и экономического расцвета Пизанской республики, целый ряд рубежных территорий в Центральной Италии, впоследствии перешедших к Флоренции, принадлежали имени пизанцам [13, р. 22-23]. К тому же именно Пиза, а не Флоренция задала модель экстерриториального развития владений в Тоскане по типу выделения новых приобретений как «контадо» – земель из городской округи [13, р. 23-24]. Подобное «переселение» пизанцами новых владений

обуславливалось естественной географией Центральной Италии, когда границы городов-государств определялись лесными засечками, принадлежность же каждого конкретного местечка в подобных пограничных зонах тому или иному городу-государству, де-факто, чаще всего зависела от происхождения орудовавших в нем лесорубов, а де-юре – оспаривалась, в том числе, вооруженными стычками [13, р. 23-24].

В то же время сама Флоренция весь XV в. предпринимала меры для развития пизанского владения с целью подавления в нем резистентного потенциала: в особенности активными эти меры стали в период правления тосканским городом-государством Лоренцо Медичи Великолепного (1469-1492). Как отмечал шведский историк М. Хорнквист, Лоренцо связывал значительную роль в игре амбиций Флоренции именно с возвышением престижа пизанского владения, но, вместе с тем – и с укреплением в нем флорентийской власти: «Последующие девяносто лет флорентийского господства характеризовались смесью мягких репрессий и умеренных благодеяний. Вскоре после завоевания на город-субъект были наложены высокие налоги, чтобы содержать его администрацию и флорентийский гарнизон. В периоды внешней опасности ведущие пизанцы высылались во Флоренцию, чтобы предотвратить восстание. Но флорентийские власти также разработали политику льгот. Для привлечения иностранных поселенцев в город были введены налоговые льготы и бесплатная аренда жилья. Во время правления Лоренцо Великолепного была также предпринята попытка возродить городской университет, Студио Пизано» [14, р. 57-58].

По мнению французского исследователя ренессансной истории И. Клуласа, инициатива по переносу университета Флоренции в Пизу должна была и вовсе придать последней статус «малой Флоренции» – «второго города в государстве» [1, с. 72]. Подобные проекты Лоренцо, связанные с Пизой как элементом конструирования флорентийской «зоны приоритетного влияния», по мнению Клуласа, требовали серьезных затрат. Однако такие проекты приносили больше выгоды по двум причинам: открытию в Пизе филиала

банковского дома Медичи [1, с. 30], а также приобретаемым Тосканской республикой в связи с пизанским владением дивидендам во внешней морской торговле [1, с. 71-72].

В «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли, автора, несомненно, широко осведомленного в тонкостях флорентийской дипломатии и критически остро анализировавшего политику своего государства, отмечалось, что именно Лоренцо поддерживал не только пизанский рубеж, но и всю конструкцию влияния тосканской республики на международные дела: «...Его образ жизни, его удачливость и мудрость были известны не только итальянским государям, но и далеко за пределами Италии, и у всех вызывали восхищение. Матвей, король венгерский, не раз свидетельствовал свою привязанность к нему. Султан посылал к нему своих представителей с дарами, турки выдали ему Бернардо Бандини, убийцу его брата. И всеобщее это уважение стало для всей Италии предметом восхищенного изумления, которое ежедневно возрастало из-за неизменной его мудрости. Ибо в обсуждении тех или иных вопросов он бывал красноречив и силен доводами, в решениях благоразумен, в осуществлении решений быстр и смел. Нельзя назвать ни единого порока, который запятнал бы блеск стольких добродетелей» [2, с. 339]. Именно смерть Лоренцо, в этой связи, в представлении Макиавелли, становится той отправной точкой, с которой связана не только утрата Флоренцией контроля над Пизой как частный случай деструктуризации итальянского политического баланса, но и Итальянские войны как таковые [2, с. 339-340].

В отношении стартовой фазы Итальянских войн, в контексте рассматриваемого нами «пизанского вопроса» флорентийской политики, отметим, что Флоренция утратила Пизу при наследнике Лоренцо Пьеро II Медичи (1492-1494) [3]. За это Пьеро справедливо прозвали «Неудачником» и изгнали вместе со всей семьей Медичи из ранее управляемого ими города [3]. Впрочем, флорентийская неудача на тот момент оказалась в определенном смысле частичной. Как упоминал в своих «Мемуарах» свидетель множества событий европейской и итальянской международной политики, французский

дипломат на службе Карла VIII Филипп де Коммин, пизанский сепаратизм не обрел как итог какую-либо форму самостоятельности для Пизы – бывшее флорентийское владение стало предметом протектората венецианцев, временно установленного ими как плата за «поддержку» проекта пизанской независимости [5, с. 380]. Несколько последовавших попыток Флоренции вернуть Пизу, тем самым, наткнулись на ожесточенное, поддерживаемое внешними силами сопротивление. В этой связи у Флоренции, по справедливому замечанию М. Хорнквиста, оставалось два варианта разрешения проблемных взаимоотношений с пизанцами – «уничтожить их или жить с ними» [14, р. 113]. Однако для реализации любого из двух вариантов флорентинцам требовалась эффективная военная кампания, а вместе с тем – определенная реновация собственного подхода к ведению военного дела.

Затяжная война Флоренции и Пизы разрешилась в пользу флорентинцев ввиду успешной реализации проекта по созданию в Тосканской республике народного ополчения, предложенного секретарем Совета Десяти, дипломатом Никколо Макиавелли и в течение 1506-1509 гг. воплощенного в жизнь.

С точки зрения К. Виванти – итальянского исследователя фигуры Макиавелли, проект реформы возник у секретаря флорентийской дипломатии по возвращении в 1503 г. с визита на выборы понтифика в Рим, «когда Флоренция, занятая на пизанском фронте, не смогла противостоять продвижению Венеции в Романью, на земли, ранее подчинявшиеся Валентино. Последний вооружил своих подданных в Романье, и вполне вероятно, что воспоминания об этом опыте подсказали назначить дона Микелетто Кореллу, печально известного лейтенанта Чезаре Борджиа, капитаном нового флорентийского ополчения» [17, р. 41-42]. Виванти также отмечает вероятный первый опыт публичного обращения Макиавелли к идее по реализации данного проекта. Таким опытом стал разговор в мае 1504 г. с Франческо Содерини, в котором брат флорентийского «пожизненного» правителя с 1502 г., «вечного гонфалоньера» Пьеро Содерини, по всей видимости, высказал макиавеллевскому замыслу определенное одобрение [17, р. 42]. Во всяком

случае, из письма Франческо Содерини к Макиавелли от 29 мая 1504 г. нам известно, что гонфалоньер был поставлен своим братом в известность об основаниях разумности применения предложенного Никколо начинания к флорентийской военной кампании против Пизы, и высказал предложение «лишить возможности тех, кто хочет говорить и творить зло» [16, р. 1063]. В том же письме Содерини отмечает «должную резвость» (*il debito vivamente*) секретаря флорентийской дипломатии в исполнении служебных миссий и указывает, что это качество может быть направлено непосредственно на взятие Пизы тосканской республикой [16, р. 1063]. По всей видимости, это указание в письме Содерини свидетельствует, что Макиавелли изначально виделся главным действующим лицом в предлагаемом им самим проекте.

Уже два года спустя, в 1506 г., началась реализация макиавеллевского предприятия по созданию ополчения для взятия Флоренцией Пизы. Как впоследствии писал в своей «Истории Флоренции» младший современник и коллега Макиавелли по дипломатической службе тосканскому государству Франческо Гвиччардини, первыми шагами Никколо по проведению преобразований флорентийской армии в жизнь стали набор и испытание новобранцев предполагаемого ополчения: «...С разрешения Синьории он [Макиавелли] поручил нашим чиновникам в приграничных округах, а также в Романье, Касентино, Муджелло и во всех округах, славившихся воинственностью, зарегистрировать имена тех мужчин, которые казались наиболее подходящими для этой службы. Этим мужчинам затем назначались командиры, и их заставляли проходить обучение в праздничные дни» [9, р. 227].

Испытание прошло успешно и встретило одобрение общественности; в знаменитом дневнике флорентийского аптекаря Луки Ландуччи в описании событий того времени можно прочесть, что 15 февраля 1506 г. «это было признано лучшим событием, которое когда-либо устраивалось для Флоренции» [8, р. 273]. Речь идет о первом параде макиавеллевского ополчения. Успех привел к утверждению проекта военной реформы за авторством секретаря

флорентийской дипломатии на уровне постановления Синьории, о чем кардинал Содерини написал Макиавелли 15 декабря 1506 г.: «Нам действительно кажется, что Ваше ополчение – дар Божий, потому что оно растет с каждым днем, несмотря на озлобление противников и другие причины... Мы не видели, чтобы город за долгое время сделал что-либо столь почетное и верное, как это, если это будет использовано должным образом. Добродетельные люди должны приложить все свои усилия к этому делу и не позволять провести себя тем, кто, преследуя иные цели, не любит благополучие этого города так, как того требует его новая свобода» [16, р. 1093]. Под «новой свободой» Флоренции, очевидно, Содерини не без иронии понимает в своем письме режим пожизненного гонфалоньерата своего брата Пьеро: с этой точки зрения понятно и «озлобление противников» проекта ополчения Макиавелли – ряда оптиматов города, придерживавшихся явных или умеренных медичейских взглядов. Так, Бернардо Ручеллаи и вовсе счел благоразумным покинуть Флоренцию со своими двумя сыновьями, опасаясь, что Содерини, используя макиавеллевское ополчение в личных целях, провозгласит себя герцогом и установит во Флоренции режим военной власти наподобие правления дома Сфорца в Милане [17, р. 44]. Макиавелли, однако, торжествовал, и в январе 1507 г. он был назначен канцлером магистратуры, курировавшей дела ополчения, Комиссии девяти по поддержанию вооруженного порядка (*Ordinanza*) [17, р. 44]. Новый порядок, безусловно, укрепил республику, что и было одной из целей человека, его придумавшего.

Объясняя «Устав о вооруженном порядке» (*La cagione dell'Ordinanza*), Макиавелли упомянул два основных элемента оснований власти правителей в условиях вооруженных конфликтов, которыми, согласно изученным флорентинцем правовым сводам византийского императора Юстиниана, должны быть *armis decorata* и *legibus armata* – «украшенное оружие» и «вооруженные законы» [16, р. 37-38]. Фактически Макиавелли начал свои рассуждения со следующего замечания: «Всем известно, что кто бы ни говорил об империи, королевстве, княжестве или республике, и кто бы ни говорил о

людях, стоящих во главе, начиная с самого высокого ранга и спускаясь до капитана бригаантины, тот говорит о справедливости и оружии» [16, р. 37-38]. Предупреждение, которое он с удивительной откровенностью адресовал в «*La cagione dell'Ordinanza*» тем, кто управлял Флоренцией: «У вас мало справедливости и совсем нет оружия» [16, р. 38], – можно распространить практически в равной степени на все итальянские государства того периода. Итальянские войны обернулись катастрофой в конечном итоге для всех них. Однако для Флоренции, в 1494 г., неудачно встретившей начало войн на Апеннинах, в 1509 г. наступило время триумфа. Летом того года Пиза была возвращена под власть Флоренции. Мир 1509 г. закреплял не только флорентийское владение Пизой, но и *status quo* в положении пизанцев – им прощались все долги и недоимки по состоянию на 1494 г. – момент совершения мятежа [14, р. 146-147]. Талант Макиавелли проявился в пизанской кампании Флоренции настолько ярко, что в окончательном документе об урегулировании флорентийско-пизанского конфликта (*Submissio Civitatis Pisanorum*), подписанном 4 июня, «...его имя стояло сразу после имени Марчелло Виргилио, флорентийского канцлера» [17, р. 53]. Взятие Пизы Флоренцией, вне всяких сомнений, стало кульминационным моментом политической практики Никколо Макиавелли, недвусмысленно совпавшим и с пиком успешности его «патрона» на дипломатической службе – флорентийского гонфалоньера Пьеро Содерини.

И вновь, как и веком ранее, взятие Пизы поставило Флоренцию в крайне щекотливую ситуацию в весьма схожих обстоятельствах международной политики. Приобретенная флорентинцами Пиза в 1511 г. опять становилась местом проведения церковного собора – поразительным образом, совпадал даже его контекст с реалиями столетней давности: группа кардиналов вновь бросала вызов понтифику, на сей раз одиозному папе-воителю Юлию II (Джулиано делла Ровере) (1503-1513) и при поддержке Франции [6, р. 169-173].

Как отмечал классик итальянской историографии А. Коссио, формальное требование к созыву собора невольно повлекло действия самого Юлия. Его

военные конфликты с владетелями Болоньи и Феррары прямо противоречили требованию Церкви о невмешательстве папы в дела итальянских государей как христианских правителей, обязавшихся совместно вести священную войну с турками [6, р. 170]. Однако Юлий, с точки зрения Коссио, небезосновательно настаивал в своем конфликте с мятежными кардиналами на силовом реформировании Католической церкви, в условиях Итальянских войн, для решения внешних проблем, нуждавшейся именно в обновлении изнутри как политического организма: «Кардинал Джулиано делла Ровере также подписал этот поистине оригинальный и подлинный акт, вступив в Конклав; но, став Папой, он, обладавший широким и блестящим умом, понял, что для достижения этой цели нужно начать со средств, и что прежде чем сражаться с турками, необходимо изгнать из Италии всех иностранцев и тиранов, которые были еще хуже турок» [6, р. 170].

Главным иностранцем и тираном для Италии в представлении Юлия, разумеется, выступал французский король Людовик XII Валуа (1498-1512), чей предшественник Карл VIII (1483-1498) развязал Итальянские войны своим походом на Неаполь. Поэтому Юлий пошел на беспрецедентный акт противостояния с французами – выпустил буллу о предании Людовика анафеме [6, р. 171]. Людовика неожиданно поддержал ключевой противник на итальянском направлении внешней политики, германский император Максимилиан I Габсбург (1493-1519), предложивший организовать церковный собор в Пизе, долженствовавший послужить Юлию выразительной реминисценцией консилиарного движения столетней давности [6, р. 171]. В условиях, когда инициативу в организации собора проявили два крупнейших политических игрока в Европе, Флоренции как владычице Пизы оставалось лишь предоставить своему ведению вопросы по организации Пизанского собора. Таким образом, Пизанский собор 1511 г. должен был решить вопрос приоритета политических интересов папы или идеологических интересов корпорации для Католической церкви, а для итальянских городов-государств –

вопрос выбора причастности или безучастия к открытому конфликту папства и европейских светских государей.

Со стороны Флоренции на Пизанский собор Католической Церкви был делегирован молодой дипломат Франческо Веттори. Его задачей стало отстоять нейтралитет республики: как для ее правителя в переплетении политических связей, так и в рамках общего курса Флоренции в Итальянских войнах. Важным нюансом делегирования Флоренцией на Пизанский собор 1511 г., формально созданный непосредственно против Юлия II, такого посланника, как Веттори, по его собственному упоминанию в автобиографической «Записке о магистратах», являлся его недавний статус службы капитаном флорентийских гвельфов в 1509 г. – исторически про-папской партии Тосканской республики [10, р. 7].

В контексте данного назначения Веттори следует отметить еще и одну фамильную особенность его карьеры. Из сочинения Франческо «Жизнь Паоло Веттори-старшего», описывавшего биографию его отца, следует, что Паоло Веттори занимал должность посла Флоренции в Риме, то есть отвечал за дипломатический диалог флорентинцев с папством [10, р. 252-253]. Тем самым, Флоренция постаралась сохранить максимальное пространство для маневра в отношении папы. Наличие делегата-гвельфа на соборе против Юлия, к тому же сына посла к папскому двору, совершенно точно не должно было вызывать у понтифика ярость, соразмерную его вражде к мятежным кардиналам. Именно с этими кардиналами – Брисонне, Карвахалем, Альбре, де При и Борджиа, как следовало из служебной инструкции, выданной Синьорией Франческо Веттори 29 сентября 1511 г., и должен был по очереди встретиться Веттори в начале октября [7, р. 42-43].

Франческо Веттори выполнил поручение максимально должным образом, и Флоренция не вызвала гнев Юлия II: «окно» для диалога с папством в условиях Итальянских войн у Тосканской республики благополучно сохранялось. Цели же Пизанского собора не были достигнуты ввиду отсутствия у мятежников ресурса вооруженного сопротивления Юлию. На рубеже ноября-

декабря 1511 г. кардиналы из числа противников понтифика воссоединились в Ломбардии на территории зачинателя их выступления епископа Милана Ипполито д'Эсте [7, р. 46-47].

Политика Флоренции, однако, спустя век все так же вращалась вокруг «пизанского вопроса» и вернулась из Пизы «туда и обратно». С момента организации диалога между папой Юлием II и мятежными ему силами Католической Церкви курс Флоренции в международных делах перестал сохранять в себе свойства выверенной нейтральности. Во всяком случае, трудно не согласиться с утверждением британской исследовательницы Р. Девоншир Джонс о том, что в дипломатическом анализе Франческо Веттори наличествует «определенная неуверенность и пренебрежение к собственным появлениям в политической среде» [7, р. 9]. Некоторой иллюстрацией подобного дипломатического стиля Веттори послужит наш перевод ряда документов, сопровождавших миссию флорентинца на Пизанском соборе 1511 г. [15], вновь свидетельствующих для нас и об исключительном значении Пизы как пункта движения «туда и обратно» в политическом курсе Флоренции.

Приложение

УВЕДОМЛЕНИЕ, СДЕЛАННОЕ МАГИСТРАТОМ БАЛИЯ ФЛОРЕНЦИИ, О МИССИИ ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ КАРДИНАЛАМ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ. ВЕРИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО НА ИМЯ ВЕТТОРИ [I]

Десятка кардиналам Карвахалю, Брисонне, Борджиа, де При и д'Альбре [V]. Флоренция, 29 сентября 1511 г.

Преподобнейшим господам. Мы посылаем нашего достопочтенного гражданина Франческо Веттори в распоряжение Ваших преподобных господ, чтобы он мог сообщить им некоторые вещи от нашего имени, в отношении которых, мы молимся, чтобы они имели самую твердую веру нам, и не иначе, как если бы мы говорили перед ними лично [VI]. Пусть Ваши достопочтенные владыки здесь будут благополучны.

**ИНСТРУКЦИЯ, ДАННАЯ СИНЬОРИЕЙ ФЛОРЕНЦИИ ФРАНЧЕСКО
ВЕТТОРИ, [НАПРАВЛЕННОМУ К] КАРДИНАЛАМ ЛОМБАРДИИ,
УТВЕРЖДЕННАЯ 29 СЕНТЯБРЯ 1511 Г. [II]**

Франческо, вы немедленно отправитесь по дороге в Луниджану и Понтремоли, чтобы встретиться с преподобнейшими кардиналами Санта-Кроче, Нарбонна, Козенца, Байе и Альбре [VII], которые, должно быть, к этому времени уже покинули Борго-Сан-Доннино и прибыли в Пизу. Показав им верительные грамоты, которые вы получили от нас, вы объясните им, что мы не удовлетворены ответом, данному нашему секретарю о направлении их войск в Пизу, учитывая, что, несмотря на все, что мы сообщили, войска все еще отправляются [VIII]. И, хотя говорят, что они останавливаются в Понтремоли и Сарцане, тем не менее, нам кажется разумным сомневаться, поскольку они не могут долго оставаться в этом месте, как бы они не заступили дальше. Несмотря на то, что для чести короля и для них самих кажется маловероятным, что им придется совершить поворот и постепенно проникнуть в Пизу и ее окрестности, и что необходимость вынудит их это сделать. И поскольку это полностью противоречит всем нашим нуждам и обещанию, всегда дававшемуся нам королем [IX], необходимо, чтобы они еще раз осознали наше намерение, которое является предписанным. Каждый раз, когда мы видим таких людей, пересекающих Альпы, и, думая по указанным причинам, что они прибудут в Пизу, мы задаемся вопросом, [принять ли] Их Преосвященства, и отвечаем, что [не примем] ни их, ни таких людей. И наши помыслы не будут ни о чем другом, кроме как о том, чтобы внимательно посмотреть на всю Пизу и всю остальную часть этого контадо, чтобы задаваться одним вопросом, а не сотней [X]. И поэтому в подобном случае вы выразите им решительный протест таким образом, что они поверят вам, что, собственно, и является нашим намерением и решением. Причин, по которым мы так настроены, много, и поскольку они вам известны, то не повторяются: как невозможность прокормить их, так и привлечение войны к нашей земле. Эти две причины настолько убедили нас в

этом, что мы не собираемся их менять. Поэтому необходимо, чтобы им было разъяснено, и они бы это услышали, что если войска перейдут через Альпы, они не должны прибывать ни в их распоряжение, ни в распоряжение войск, находящихся дальше, потому что мы их не примем. И что мы хотим написать об этом сначала во Францию, где всегда декларировалось обещание, что они не придут. Мы полагаем, что немедленно последует ответ, что они могут оставить их на территории короля, и что мы не имеем к этому никакого отношения; но это было бы верно, если бы они могли остаться там и им не нужно было бы являться куда-то, откуда возвращаться они будут с позором. И, короче говоря, что их переход через Альпы к нам – то же самое, что и приход в Пизу по упомянутым причинам. Вам также следует обсудить этот вопрос с монсеньором Лотреком и с другими капитанами, чтобы они хорошо поняли наши намерения и не были удивлены, если приедут и не найдут ничего по вкусу. Необходимо также, чтобы помочь этому делу, показать им, что переброска войск в Пизу не способствует их безопасности, но отправка их к Болонье достигла бы желаемого эффекта лучше. И, что нам кажется весьма странным, в нынешние времена они переводят войска из Болоньи для отправки в Пизу, и что это кажется нам ни чем иным, как желанием вести войну на нашей собственной земле, чего мы не желаем делать ни за кого. Короче говоря, цель и все это поручение заключаются не в чем ином, как в том, чтобы четко и ясно дать всем понять, что переход через Альпы – это желание постепенно перевести войска в Пизу. И это не может не вызывать у нас сильное недовольство, и мы никоим образом не желаем этого терпеть. И поэтому мы решили в таком случае не принимать их, отказать им во всех удобствах и думать только о защите этого города и всей прилегающей местности. Мы не боимся обвинений со стороны короля, поскольку Его Величество всегда говорил нам, что подобное не случится. Мессер Джованни да Поппи [XI], наш секретарь, ждет от нас ответа в Борго-Сан-Доннино; вы отнесете ему это [письмо] и перешлете ему, чтобы не терять времени; и в результате он сам найдет вас и сделает все, что вы ему

скажете. По прибытии вы скажете ему остаться или вернуться, в конце концов, используйте его, как сочтете нужным.

ОТВЕТ ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПОРУЧЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ПИСЬМО 1 [III]

Франческо Веттори к Совету Десяти и Баляя Флоренции. 1 октября 1511 г.

Великолепные господа. Хотя я и сделал бы все возможное, чтобы угодить Вашим Светлостям, тем не менее, поскольку эта дорога от Понтremoли сюда мало используется для поездок, мне пришлось искать лошадей и с большим трудом получать их у жителей окрестных местечек. И все же я не смог проявить усердие, [прежде] всего, потому что они были тягловыми, а не беговыми, [но и] по другим причинам. Сегодня я встретил Его Преосвященство кардинала Нарбоннского, примерно в двадцати пяти милях отсюда; и, выразив ему свое почтение и вручив ему верительную грамоту, я сказал: «Достопочтенные Десять Господ, Его Преосвященство Монсеньор, поняли от своего секретаря, который находится в Борго-Сан-Доннино неподалеку от вас, что Ваши Светлости будут рады не отправляться с воинами в Пизу, за исключением небольшой охраны; но вы рассчитывали перевести остальные корабли, планировавшиеся к отправлению в Пизу, между Понтremoли и Сарцаной и разместить их там для безопасности собора. И после тщательного обдумывания эта идея показалась им нецелесообразной, поскольку они прекрасно понимают, что в этих местах не только французские войска, но и другие латники не могли бы жить, а Его Христианнейшее Величество не посчитало бы за честь отозвать их. И даже если бы они там были, им пришлось бы двинуться дальше и поселиться в Пизе или другом месте нашей республики, что вызвало бы большие трудности, учитывая, что год выдался неурожайным. И что больше всего огорчило бы их, так это то, что Папа, опасаясь, что латники могли переправиться через горы, немедленно направил бы в наши земли войска, которые бы воевали с нами: это было бы для нас наиболее пагубно, как

Его Светлость мог бы сам рассудить». И поскольку Вашим Светлостям совсем не нравилось, чтобы воины путешествовали и садились на лошадей, и поскольку Ваши Светлости любили долго говорить и объясняться, я должен был сказать ему и следующее от имени Ваших Светлостей. Когда бы он вместе с другими достопочтенными кардиналами прибыл в Пизу, не переправив воинов в Тоскану, Ваши Светлости должны были принять их милостиво; но если бы они пожелали привести воинов из-за гор, я сказал ему от имени Ваших Светлостей, что я вообще более не приеду, поскольку это не будет принято ни в Пизе, ни в каком-либо другом месте в наших владениях. Он был очень расстроен этим предложением, хотя прямо и не ответил, [но это] было ясно видно по его лицу; и он сказал мне: «Вы пойдете к другим преподобнейшим кардиналам и вручите им свои верительные грамоты; я не собираюсь возвращаться, потому что я дал обет Богу и обещал людям провести этот собор; и когда бы мы не смогли это сделать в Пизе, мы бы сделали это в Лукке с необходимыми протестами» [XII]. Я ответил, что наш город не заслуживает с их стороны ничего, кроме доверия к нам, что по простой просьбе Христианнейшего он уступил, а затем и выдержал запрет, арест граждан и конфискацию имущества, как было хорошо известно [XIII]. И что Их Светлости должны благоволить к нам, когда это необходимо, и не желать, чтобы у нас была война. Затем он сказал мне: «Император и король Франции благоволят собору. А вы, которые не хотели предоставить нам ничего, даже охранной грамоты, должны показать свои носы и зубы». Тогда я сказал ему, что охранная грамота находится в руках короля уже два месяца, и что мы отчетливо осознаем, что не сделали ничего несправедливого или неразумного, ни Императору, ни Христианнейшему. И чтобы он не собирался запугивать нас угрозами, и что Христианнейший всегда говорил, [в том числе] не так давно, что из-за собора он не хочет, чтобы его солдат переходил Альпы. И тут, наконец, я снова ответил, что если бы он вообразил, что латники перейдут Альпы, то я бы не выступил с [данной] миссией, потому что Ваши Светлости этого не хотят. И поэтому я протестовал с уверенностью, что если с ним не

случится ничего, чего он не считает нужным сообщить заранее, то я не могу ссылаться на незнание. Он, наконец согласился, чтобы я пришел к этим другим Преподобнейшим и поговорил с ними, и что он не собирается отказываться от предприятия. Я пришел сюда сегодня вечером в пять часов и нашел четверых из этих Преподобнейших; и завтра утром я поговорю с ними, а затем дам совет относительно того, что мне скажут. Относительно других вещей, которые я здесь услышал, вам даст полный совет мессер Джованни. По дороге я понял, что те, кто на пути сюда, очень напуганы; тем не менее, я не видел никаких признаков того, что в сторону гор направляется более сотни копий; другие еще должны подойти. Но я не хочу упустить возможность сказать вам, что, когда я встретил Нарбоннского, я видел много из его людей, вооруженных холодным оружием, с седлами и с хорошими лошадьми.

ОТВЕТ ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПОРУЧЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ПИСЬМО 2 [IV]

Франческо Веттори к Баля Флоренции. Борго-Сан-Доннино, 2 октября 1511 г.

Великолепные господа. Вчера вечером, когда сюда прибыл наш курьер, я написал Вашим Светлостям о разговоре, который я имел с преосвященным Сен-Мало относительно поручения и желания Ваших Светлостей, и, считая все безопасным, я не отвечу иначе. Сегодня утром, за час до рассвета, поскольку я услышал, что преосвященные Байе и д'Альбре хотят поехать верхом, я отправился на их поиски и нашел Байе, который уже хотел сесть на коня. Я объяснил ему поручение Ваших Светлостей. Он не был встревожен, но сказал: «Я всегда говорил одно и то же, что на флорентийских землях мы в безопасности и нам не за чем следить». И он взял меня с собой в дом монсеньора д'Альбре и хотел, чтобы я повторил тому то, что сказал ему самому, и вместе мы пошли к Его Преосвященству Санта-Кроче, которого мы нашли в постели, принимавшим лекарство. И в присутствии всех троих я еще раз повторил поручение, данное мне Вашими Светлостями. На что Его

Преосвященство Санта-Кроче ответил: «Итак, Ваши Светлости не хотят, чтобы мы взяли монсеньора Лотрека [XIV] в качестве хранителя собора с 150-200 легкими кавалеристами. И они не хотят, чтобы мы держали латников в Сарцане или в Лукке, чтобы иметь возможность защищаться от армии, которая может быть размещена в Пьомбино, или от папских войск, которые могут подойти по суше. Тогда как нас будут охранять? И как вы хотите, чтобы наши люди доверились вам, раз вы затруднили нам получение охранной грамоты, и лично у меня ее до сих пор нет; и мы знаем, что Папа потратил бы 50000 дукатов за каждого из нас». На что я ответил, что если они хотят провести собор в Пизе однажды, они знают, каким образом Ваши Светлости предлагают им туда прибыть, и что морской флот обязано защищать Его Королевское Величество; что касается некоторых его нагруженных кораблей, как он слышал несколько раз, наши силы готовы защитить их [в случае] небольших внезапностей. Что касается больших и организованных сил, то их необходимо было бы привести с побережья, и чтобы это совершить, понадобилось бы определенное время. И что они вполне могут доверять нам, поскольку мы отдали свою веру Христианнейшему Королю [XV], и мы никогда не собираемся их подводить; и что нашим людям, чтобы им подчинялись, придется платить, поскольку подразумевалось, что мы [были бы] теми, [кто] охраняют ворота. И что для нас не было бы неприятностью, окажись у них один из наших людей, ибо тогда мы бы наказали людей собора по-своему. И что, чтобы угодить им, мы добровольно уступили Пизу, что привело к интердикту, аресту наших купцов в Риме, конфискации всех наших товаров, уплаты [за них] суммы в несколько тысяч дукатов, и что мы терпеливо переносим все это. Но Ваши Светлости не желают у себя дома вести войну; и что если они захотят либо приехать из Флоренции, либо отложить собор, вы будете очень рады и предоставите им все возможные удобства. Однако их Преосвященнейшие Светлости будут рады позволить людям остаться по эту сторону гор, и если они хотят держать Папу под контролем, то пусть отправят их в Болонью, и что он будет опасаться [за] Романью и подумает о ее защите, а не о том, чтобы осквернить собор. Затем он

сообщил мне об ответе Сен-Мало; я ответил, что не получал от него новых известий, а просто отправился к ним после него. Они сделали вид, что [им] трудно мне ответить на отсутствие Сен-Мало, но, тем не менее, выпроводили меня и некоторое время оставались вместе. Затем ко мне пришли Преподобнейшие Байе и д'Альбре и сказали: «Мы хотим угодить флорентинцам любой ценой. Мы отправимся сегодня вечером в Форново, а оттуда пошлем Нарбоннскому, чтобы он ждал нас в Понтремоли, и самому монсеньору Лотреку, чтобы он никого больше не пропускал, а просто останавливал. Вы пойдете с нами и поймете наше решение, зная также, что Ваши Светлости будут рады, если Лотрек придет к ним со 150 или 200 легкими всадниками». Я заговорил как всегда, что подробно представил поручение, которое у меня есть, и что Ваши светлости тверды [в убеждении], что лошади им не будут нужны ни в Пизе, ни в горах. В заключение они подтвердили, что в любом случае хотят, чтобы мы были удовлетворены, и чтобы я отправился к кардиналу Козенца и пересказал ему суть нашего разговора. Так я и сделал; и я нашел Козенца очень благосклонным к миру, и если другие будут такими, то не возникнет никаких затруднений; он сказал, что мы правы, и что все, сообщенное мной, есть правда, и он вполне охотно приедет на собор без воинов. Ибо нет ничего более подходящего для тех, кто хочет реформировать Церковь, как намеревались они [XVI]. И с Его Святейшеством я решил последовать за Байе и Альбре, как они мне сказали; и сегодня вечером мы уедем, и я возьму с собой мессера Джованни, чтобы отправить его туда, если ничего не произойдет. Ваши Светлости должны помнить, что [шифровка] [этим вопросом управляют Сен-Мало и Санта-Кроче; и если один просто амбициозен, то другой еще и не очень дружелюбен к Вашим Светлостям; эти три других больше, но они скорее остаются с нами, чтобы составить общее число.... И я полагаю, что условия определяет Сен-Мало]. Согласно пожеланиям Ваших Светлостей, только от монсеньора Лотрека будет 150 арбалетчиков; и Ваши Светлости сами посмотрят и утвердят список. Должен сказать, что по данному вопросу у меня нет распоряжений, и поэтому я по обычаю все отрицал; но

правильно ли это, рассмотрят Ваши Светлости. Все эти кардиналы высокого мнения и о делах Императора, и говорят, что хоть Сан-Северино и до сих пор не связался с Императором через свои письма, тем не менее, что они вскоре ожидают от него добрых знаков. Сегодня утром, разговаривая с кардиналом Козенца и рассказывая ему о соглашении, достигнутом между Папой и Католиком, я услышал [его] мнение, что это неправда, он знает наверняка, что это неправда и такое соглашение не будет заключено. Потом Санта-Кроче сказал мне: «Если я не направлю армию в Пьомбино, как вы будете меня защищать»? Я задавался вопросом, поняли ли они, что король не хочет брать на себя флотские расходы этой зимой, поскольку, проезжая через Рим, я слышал, что Специя опустела тремя днями ранее со всеми галерами и артиллерией, и со всеми демонстрациями, свидетельствующими о том, что зимовать не придется. Затем я поговорил с Преподобнейшим Санта-Кроче, чтобы разъяснить королевскую волю; и он действительно решил, что они оставят людей по эту сторону гор. А поскольку их протектор – монсеньор Лотрек, человек знатный, и он не захочет прибывать в Пизу без большого отряда, они прикажут прислать к нему либо монсеньора ди Шатильона [XVII], либо монсеньора д'Арса [XVIII], и каждый из них должен будет привести с собой не более 150 лучников. А когда нам понадобится сопровождение, Ваши Светлости пришлют к нам 200 своих латников, и в Пизе нас удовлетворит судебный пристав, также один из ваших людей, который будет подчиняться нам, передавая прибывшим на собор наши указы, и ничьи другие. Я сказал ему о 150 лучниках, как и сегодня утром, что у меня нет полномочий разрешать латникам переходить горы; он ответил, что Франческо Пандольфини [XIX] дал на это согласие более месяца назад в Милане. И поэтому Ваши Светлости должны сообщить о своих намерениях уже без моего дальнейшего письма, поскольку мне кажется несомненным, что они выдвинут высокие требования, и что это должно быть их окончательное решение; и мне нечего ответить, кроме того же, пока вы не напишете. Монсеньор Санта-Кроче, высоко отзываясь об этом соборе,

поддерживает Императора, Христианнейшего и даже Католика; но я полагаю, что увидеть в этом больше нечего.

Примечания:

I. Пер. с лат. К.В. Павлова по изд.: *Le concile Gallican de Pise-Milan. Documents Florentins (1510-1512) / Publies par A. Renaudet. Paris: Edouard Champion, 1922. P. 293.*

II. Перевод с итал. К.В. Павлова по изд.: Там же. P. 294-295.

III. Перевод с итал. К.В. Павлова по изд.: Там же. P. 312-313.

IV. Перевод с итал. К.В. Павлова по изд.: Там же. P. 319-321.

V. В числе адресатов верительных грамот Веттори Синьорией Флоренции названы практически все мятежные кардиналы церкви, поддержавшие в конфликте Людовика XII и Юлия II французского короля: французы Гийом Брисонне, Аманье д'Альбре и Рене де При, испанец Бернардино Карвахаль и итальянец Франческо Борджиа. Не упомянут, что характерно, лишь лидер мятежного движения кардиналов епископ Милана Ипполито д'Эсте, впрочем, диалог с ним составной частью миссии Веттори и не являлся.

VI. «Как если бы мы говорили перед ними лично» («*nec secus quam si coram praesentes loqueremur*») – стандартная формула обращения во флорентийской культуре дипломатического диалога, связанная со своего рода иерархическим «параллелизмом» исполнительной и внешнеполитической власти Синьории.

VII. По порядку в соответствии с привязкой церковной титулатуры к соответствующим епископствам перечислены те же мятежные кардиналы: Борджиа, Брисонне, Карвахаль, де При, Альбре.

VIII. Непосредственной целью миссии Веттори и было обозначено выразить несогласие Флоренции, при организации Пизанского собора, на размещение на территории Пизы какого-либо французского войска, которое ближайший к Людовику из кардиналов-мятежников Брисонне считал

необходимым разместить для охраны участников собора от угрозы нападения папских наемников.

IX. Речь идет об обещании Людовика XII о «стерильном» нейтралитете на территории флорентийских земель – одном из «краеугольных камней» оборонительного союза Флоренции и Франции.

X. Флорентийское руководство данными словами намекает на события 1501 г. в Пистойе и 1502 г. в Вальдикьяне, когда эти приграничные флорентийские владения, «вдохновившись» успехом пизанского мятежа, поднимали свои выступления против власти Тосканской республики.

XI. Джованни да Поппи выступал посредником в миссии Веттори, в частности, сопровождал вместе с ним кардиналов де При и Альбре по пути следования в Форново. [см.: *Le concile Gallican de Pise-Milan. Documents Florentins (1510-1512)*. P. 318-319].

XII. Упомянув Лукку, в каком-то смысле, кардинал Нарбоннский рассчитывал сыграть на честолюбии флорентинцев. Лукка традиционно была городом – конкурентом Флоренции в тосканской политике и одним из «очагов сопротивления» флорентийской идее «зоны исключительного влияния» в Средней Италии [подробнее см.: гл. 1 настоящей работы].

XIII. Подобное напоминание Веттори кардиналу Нарбоннскому, отметим, не совсем справедливо, поскольку отсылает к временам правления Флоренцией Савонаролы и предоставленным им исключительным привилегиям вошедшим в город войскам Карла VIII [подробнее см.: гл. 1 настоящей работы].

XIV. Имеется в виду Оде де Фуа (1485-1528), граф де Лотрек и де Комменж, двоюродный брат Гастона де Фуа, с 1511 г. маршал Франции. Любопытно последующее замечание в «Истории Италии» Гвиччардини о том, что Лотрек «...был избран кардиналами в качестве хранителя собора, то ли потому, что кардиналы полагали опасным находиться в Пизе без такого гарнизона, то ли для того, чтобы собор при поддержке французского войска имел больший вес, или на самом деле, как они говорили, затем, чтобы у них была возможность справиться с любым, кто дерзнет извратить их

постановления или не подчиниться им». [см.: Франческо Гвиччардини. История Италии. Том 1. С. 627].

XV. Фразой «мы отдали свою веру Христианнейшему Королю» Веттори, очевидно, стремится напомнить кардиналу французского происхождения о ситуации на выборах папы в 1503 г., когда Флоренция поддерживала кандидатуру француза кардинала Руанского, а не кого-либо из возможных итальянских кандидатов – вопреки устойчивой практике итальянских кардиналов голосовать внутренним кругом, той практике, благодаря которой, будут выбраны впоследствии папы из дома Медичи, Лев и Климент [подробнее см.: гл. 3 настоящей работы].

XVI. Официальной целью созыва Пизанского собора объявлялось проведение реформы Католической церкви, в пик неспособности папства это сделать.

XVII. Монсеньор де Шатильон упоминается в дальнейшем в формальном распоряжении об отзыве Франческо Веттори с пизанской миссии. Так, Веттори был отозван с пизанской миссии Советом Десяти 14 ноября, после урегулирования инцидента с ранением монсеньора Шатильона в Пизе в результате беспорядков из-за конфликта пизанского населения с пожаловавшими на собор испанцами [см.: 15, р. 528].

XVIII. Вероятнее всего, имеется в виду Луи д'Арс (1465-1530), капитан конных латников, упомянутый в «Истории Италии» Гвиччардини как единственный, кому удалось вернуться во Францию со своими людьми после сокрушительного поражения французов от испанских сил в 1503 г. в битве при Чериньоле. [см.: Франческо Гвиччардини. История Италии. В двух томах / Пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 1. С. 349].

XIX. Франческо Пандольфини в ходе пизанской миссии Веттори 1511 г. был тем служащим Синьории, который курировал диалог флорентинцев с императором Максимилианом. Так, именно от него из письма от 4 октября 1511 г. флорентийское руководство узнало, что император, в отличие от королей

Франции и Испании, не собиравшись отправлять своих представителей на Пизанский собор вовсе, сомневаясь в возможности реализовать как декларируемые (масштабная реформа Католической церкви), так и подлинные (совместный альянс Франции, Испании и Империи Габсбургов против Юлия) цели его проведения. [см.: 15, р. 330].

Список литературы:

1. Клулас И. Лоренцо Великолепный / Пер. с франц. Н.Н.Зубкова. М.: Молодая гвардия, 2007. 259 с.
2. Никколо Макиавелли. История Флоренции / Пер. с итал. Н.Я.Рыковой. Общая ред., послесл. и комм. В.И.Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. 447 с.
3. Павлов К.В. Некоторые замечания о «рубевном периоде» дипломатии Флоренции в Итальянских войнах и его знаменательном эпизоде: миссия Никколо Макиавелли к Катерине Сфорца (июль 1499 г.) [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2025. № 4. URL: <https://st-hum.ru/node/1479> (дата обращения: 11.10.2026).
4. Павлов К.В. Флоренция и Италия в поисках «баланса сил»: от войны Флоренции и Милана к Лодийскому миру // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLIII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (7-9 ноября 2023 г.): Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 298-306.
5. Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. с франц. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 496 с.
6. Cossio A. Il cardinale Gaetano e la Riforma. Cividale: Tipografia Giovanni Fulvio, 1902. 530 p.
7. Devonshire Jones R. Francesco Vettori: Florentine Citizen and Medici Servant. London: University of London, The Athlone Press, 1972. 319 p.
8. Diario Fiorentino dal 1450 al 1516 di Luca Landucci / Con annotazioni da I. Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. 408 p.

9. Francesco Guicciardini. *Storie Fiorentine* // Opere di Francesco Guicciardini. In 3 vol. Vol. 1 / A cura di E. Scarano. Torino: UTET, 1974. P. 59-246.
10. Francesco Vettori. *Scritti storici e politici* / A cura di E. Niccolini. Bari: Laterza, 1972. 517 p.
11. Galasso G. L'Italia del Quattrocento, Italia della "bilancia" // *Annali dell'Istituto Italiano per gli studi storici*, XIII. 1995/1996. P. 401-470.
12. Girgensohn D. Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409 // *Die Konzilien von Pisa (1409), Konstanz (1414-1418) und Basel (1431-1449). Institution und Personen* / Herausgegeben von H. Müller und J. Helmroth. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2007. S. 61-94.
13. Herlihy D. *Pisa in The Early Renaissance. A Study of Urban Growth*. New Haven: Yale University Press, 1958. 252 p.
14. Hornqvist M. *Machiavelli and Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 302 p.
15. *Le concile Gallican de Pise-Milan. Documents Florentins (1510-1512)* / publiés par A. Renaudet. Paris: Edouard Champion, 1922. 732 p.
16. Niccolò Machiavelli. *Tutte le opere* / A cura di M. Martelli. Firenze: Sansoni, 1971. 1284 p.
17. Vivanti C. *Niccolo Machiavelli. An Intellectual Biography* / Transl. from It. to Engl. by S. MacMichael. Princeton: Princeton University Press, 2013. 276 p.

Сведения об авторе:

Павлов Кирилл Владимирович – магистр истории, соискатель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Pavlov Kirill Vladimirovich – Master of History, graduate student of Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com.